

Этот секретарь Се, не знаю, кого он найдёт, и если ещё начнёт говорить всякую ерунду, последствия будут непредсказуемыми.

Лучше уж Мин Е, красивый, молчаливый, надёжный, ещё и с угощениями, а насчёт отдаления можно подумать позже.

Первый день сентября, первый день учёбы, и Жун Цзянь чувствовал себя так, будто потерял родителей, едва не провалившись с домашним заданием.

Так продолжаться не может, постоянно притворяться больным — тоже не выход.

Жун Цзянь решил раз и навсегда разобраться с этим.

После утренних занятий, пока он собирал вещи и размышлял, что делать дальше, к нему подошли несколько одноклассников.

Во главе стояла девушка в красном платье, миловидная, и, кажется, самая смелая. Подталкиваемая одноклассниками, она спросила:

— Ваше Высочество, веер, который вы использовали в прошлый раз, мне очень понравился, и я тоже хочу попробовать. Осмелюсь спросить, могу ли я использовать такой же?

Жун Цзянь задумался, и только через некоторое время понял, что она имеет в виду тот веер, который Мин Е сделал, чтобы скрыть исчезновение помады.

Это вызвало у него минутное замешательство.

Молодые девушки не были слишком смелыми, и подойти с вопросом уже было для них большим шагом. Увидев, что Жун Цзянь не отвечает, они начали нервничать, и Чэнь Синьсюэ неуверенно добавила:

— Простите, Ваше Высочество, если я вас побеспокоила...

Жун Цзянь ответил:

— Ничего страшного, если вам нравится, пользуйтесь на здоровье.

Одноклассники с радостью поблагодарили и отошли.

Жун Цзянь тоже на мгновение почувствовал радость, но всё же был полон тревожных мыслей и направился в заднюю комнату покоев Нинши.

Он искал кого-то.

Сегодня они изучали стихи, и урок вёл пожилой учитель, которому было за семьдесят. Учитель Чэн, бывший ректор Императорской академии, также занимал должность профессора в покоях Нинши, отвечая за все дела в двух дворцовых библиотеках.

Жун Цзянь подошёл к двери и постучал.

Изнутри ответили:

— Войдите.

Жун Цзянь вошёл.

Учитель Чэн преподавал всё утро, и после обеда не отдыхал, а продолжал писать новую книгу в боковой комнате. Услышав, что кто-то вошёл, он поднял голову, прищурился и узнал Жун Цзяня.

Он снова опустил голову и спросил:

— Ваше Высочество, у вас есть вопросы по учёбе?

Жун Цзянь глубоко вдохнул и сказал:

— Учитель, я уже много лет изучаю поэзию, но, видя, как велика наша страна, хочу перейти в покои Янфу, чтобы изучать историю, политику и понять, как живёт народ.

— Прошу вашего разрешения.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Учитель Чэн отложил книгу и посмотрел на Жун Цзяня.

Это было решение, к которому Жун Цзянь шёл долго.

Учёба была необходима.

Но результаты, которые оригинальный персонаж добился обманом, были слишком высоки, и Жун Цзянь, как невежда, не мог даже приблизиться к ним, поэтому он решил найти другой выход.

Во дворце, помимо покоев Нинши, были покои Янфу, где изучали историю, философию, политику и шесть искусств благородного мужа.

Жун Цзянь хотел перейти туда. Старшая принцесса никогда не изучала эти предметы, и даже если он будет плохо учиться, это можно будет оправдать, а не разрушить образ.

Учитель Чэн помолчал некоторое время, прежде чем сказать:

— Ваше Высочество, как представитель императорской семьи, вы заботитесь о народе, и это благословение для всех. Если бы это был кто-то другой, я бы не стал возражать.

Здесь он сделал паузу. Его волосы были седыми, лицо покрыто морщинами, он был уже старым.

Жун Цзянь знал, что его уроки были скучными, но знания его были обширны, он знал всё о мире и был настоящей энциклопедией, учителем для тысяч учеников, пользовавшихся их уважением.

Учитель Чэн продолжил:

— Но старшая принцесса занимает особое положение, и это дело нужно обсудить с вами.

Сердце Жун Цзяня упало.

Но он также понимал, что настаивать нельзя. В конце концов, это дело не было ни слишком большим, ни слишком маленьким. В детстве, когда оригинальный персонаж играл с деревянным мечом, император уже угрожал ему. Кто знает, как он отреагирует на смену

класса, может, увидит угрозу и начнёт искать повод для обвинений, что повлияет на учителей покоев Нинши.

Жун Цзянь сказал:

— Учитель прав, я сначала доложу императору, а потом подумаю.

Но эта встреча не прошла даром, по крайней мере, учитель Чэн не был против.

После ухода Жун Цзяня из боковой комнаты вышел человек, который спросил:

— Если у старшей принцессы такие намерения, почему бы вам не согласиться?

Учитель Чэн вздохнул. Он был уже старым и знал, насколько опасна борьба за власть, и не хотел в неё вмешиваться:

— Цзэцин, ты ошибаешься.

Обычно женщины не могли стать императорами. Но если бы Жун Нин была жива или Жун Цзянь достиг совершеннолетия, возможно, её бы и возвели на трон.

Жун Цзянь хотел отказаться от поэзии и заняться политикой, и это имело особый смысл.

Ци Цзэцин, учитель другого предмета, был студентом первого года правления Тяньцзин, назначенным Жун Шихуаем как успешный кандидат:

— Вспоминая времена, когда покойный император был ещё жив, какой он был величественный, а принцесса унаследовала его кровь, но... в последнее время, кажется, в ней проявляется доброта и свобода.

При жизни Жун Шихуая, Великая Инь только что пережила войну, но уже начинала процветать. А когда император-зять взойшёл на трон, он отменил многие решения покойного императора, и за эти годы народ обнищал, а двор стал ещё более хаотичным.

Учитель Чэн покачал головой:

— Покойный император ушёл слишком рано.

Ци Цзэцин сказал:

— Принцесса может стать правительницей. По крайней мере, пока она не родит наследника...

Учитель Чэн строго сказал:

— Осторожнее. Цзэцин, во дворце нужно быть осмотрительным.

Смена династий, потеря власти — его это уже не волновало, он хотел только учить.

Но учить только ради знаний?

Нет, в конце концов, это было ради управления страной и блага народа.

Чэн Чжили поднял голову и посмотрел в окно, чувствуя, что его старые глаза уже не могут разглядеть форму солнца.

Выйдя из боковой комнаты, Жун Цзянь почувствовал себя подавленным.

Всё же ему не удалось избежать встречи с этим императором.

Как ему убедить этого жестокого, подозрительного отчима, что смена класса — это просто отсутствие интереса к текущим предметам, а не желание завладеть наследством?

В основном, в этом наследстве нет ничего хорошего. Через несколько лет дело о налогах на соль в Цзяннани коснётся нескольких знатных семей и сотен чиновников, потрясёт всю страну, начнётся война, и власть сменится.

А следующий правитель...

Жун Цзянь повернул голову и увидел стоящего в коридоре, пока ещё незаметного охранника Мин Е.

Жизнь непредсказуема.

У каждого своя судьба, и после попадания в книгу у Жун Цзяня не было амбиций, он просто хотел выжить.

Однако Жун Цзянь вдруг вспомнил ещё кое-что.

Он подошёл к коридору и остановился рядом с Мин Е.

Вокруг никого не было.

Отлично. Самое время для того, что нельзя делать на виду.

Мин Е поднял на него взгляд.

Жун Цзянь достал что-то из мешочка:

— Спасибо, я всё выстирал.

Это был платок, который он одолжил у Мин Е много дней назад, чтобы вытереть помаду.

Жун Цзянь не слишком разбирался в древних правилах, но, посмотревшись фильмов, знал, что в древности мужчинам и женщинам нельзя было дарить мешочки и платки.

Поэтому платок с помадой, явно не принадлежащий ему, нельзя было отдавать служанкам для стирки.

Но Жун Цзянь хотел постирать его сам, и найти подходящий момент было сложно. Кто бы позволил принцессе самой заниматься стиркой? Если бы тетушка Чжоу или другая няня увидели, это вызвало бы скандал.

Жун Цзянь выбрал день, когда никого не было, и попросил служанку принести горячую воду. Жун Цзянь с детства остался без родителей и был самостоятельным, но, попав в книгу, каждый день носил сложные и тяжёлые платья, и в спешке, стирая платок, он случайно опрокинул на стол флакон с ароматическим маслом, но ничего не оставалось, как использовать его.

В результате платок пропитался настолько сильным ароматом, что Жун Цзянь пришлось сушить его несколько дней. Чтобы никто не заметил, он сам надушился тем же ароматом

османтуса.

Таким образом, с трудом приведя одолженную вещь в порядок, он решил вернуть её.

Доставая платок, Жун Цзянь удивился, как так получилось?

Вчера он прогладил его горячей чашкой, а сегодня он снова был помятым.

Мин Е, кажется, не обратил на это внимания, опустив взгляд на Жун Цзяня, спросил:

— Ваше Высочество, все вещи в вашем дворце пахнут так?

Жун Цзянь, конечно, не мог сказать, что это результат небольшого недоразумения в процессе стирки, он невнятно пробормотал:

— Тебе не нравится?

Если не нравится, он заберёт его обратно и ещё подсушит.

Мин Е никогда не позволял, чтобы на нём оставался какой-либо запах, так как это могло выдать его местоположение.

А Жун Цзянь был другим.

Его запястья, кончики пальцев, щёки, волосы, платье, каждый сантиметр кожи, казалось, были наполнены тем же сладким ароматом османтуса, что и этот чистый старый платок.

<http://bllate.org/book/16310/1471409>